

— Я укрываюсь от дождя, — вежливо ответила принцесса Чанлэ, не видя ничего зазорного в том, чтобы отвечать служанке. Ванъэр невольно взглянула на неё, но промолчала. Зато принцесса завела с ней непринуждённую беседу: «Как тебя зовут?», «Ты грамотная?»... Эти разнообразные вопросы создали у Ванъэр иллюзию, будто она не в глухом Переулке Вечной Жизни, а в павильонах Академии Хунвэнь, беседует с новым знакомым.

Когда дождь кончился, принцесса Чанлэ ушла. Ванъэр почтительно проводила её, потом долго стояла на месте, наконец вздохнула и, промокшая, медленно побрела обратно в Женские покои.

Тем же вечером надзиратель вызвал её в Приказ Дяньчжун и стал допрашивать, почему она оставила Женские покои и отправилась в Переулок Вечной Жизни, да ещё и в ту самую комнату. Спрашивающий был лицом добр, словно старый монах, но слова его были остры и настойчивы. Лишь убедившись, что у Ванъэр нет дурных намерений, он объявил: Приказ Дяньчжун, оценив её добродетель и образованность, делает исключение и допускает её к отбору во Внутреннюю школу, и повелевает ей ценить такую милость и усердно трудиться, дабы отблагодарить за великую доброту Его Величество и начальство.

Во время допроса Ванъэр не слишком волновалась, но после приказа об исключительном допуске её охватила тревога. Материнское пророчество о «взвешивании Поднебесной» вновь зазвучало в ушах, и перед глазами всплыла та самая, неприличная, улыбка императрицы У, увиденная в десять лет. С момента составления указа о низложении прошло меньше пятнадцати лет — неужели Небесная государыня уже забыла старую вражду и милостиво решила использовать внучку своего заклятого врага?

Ванъэр мне однажды помогла, и я очень хотела как следует её отблагодарить. Но вокруг меня было полно людей, особенно после того, как матушка устроила допрос всем моим служанкам. Целый день они ходили за мной по пятам, словно привязанные. Заметив, что мне жарко и я хочу снять одежду, они начинали бояться, что я простужусь, и наперебой уговаривали меня не делать этого. Застав меня за потягиванием, решали, что я устала, и тут же принимались разминать мне плечи и спину. Даже если я просто сидела неподвижно, через некоторое время кто-нибудь обязательно подходил со словами: «Долго сидеть вредно, госпожа, пройдитесь немного», а ещё меняли чай, благовония, закуски, уголь в жаровне, документы... Справляться с ними было невероятно утомительно, и я никак не могла найти подходящий момент, чтобы поговорить с Ванъэр с глазу на глаз.

Я дружила с Вэй Хуань и надеялась, что она как-нибудь отвлечёт остальных. Но, как назло, она оказалась заводилой среди них. Поскольку была ко мне ближе всех, то и докучала мне больше всех. Остальных ещё можно было как-то отшить, но когда за дело бралась Вэй Хуань, всё шло каким-то невообразимым путём.

Если говорить откровенно, я и рада, и не рада была её чрезмерному усердию, причём по одной и той же причине. Но сейчас мои желания не имели значения. Потому что, хотела я того или нет, когда Вэй Хуань уставлялась на меня своими глазами — теперь я предпочитала называть их «сияющими очами» — хмурила брови и принимала вид одновременно обиженный и высокомерный, я терялась. Приходилось покорно сидеть, позволяя ей то поправлять письменные принадлежности, то складывать полотенца, то совать мне в рот сладости, то подносить чашку с чаем. В душе я презирала её за эту бестолковую суету и подобострастие, но внешне делала вид, что всё мне по нраву. В итоге за обедом я не съела ни кусочка, а к ужину живот у меня был полнее, чем в обеденное время. И как на зло, к вечеру отец почувствовал себя лучше и позвал на ужин и меня, и Ли Жую.

Услышав, что отец зовёт к столу, Ли Жуй помчался стремительно, словно спускающийся с горы тигр. Я же, напротив, приняла вид скромницы и поплелась, делая шаг и останавливаясь, с печальным лицом. А виновница всех бед, Вэй Хуань, четвёртая дочь рода Вэй, не только не испытывала ни капли угрызений совести, но ещё и осмелилась спросить: «Что с тобой?»

Я сердито на неё посмотрела и отмахнулась рукой. Она совсем не поняла моего жеста и только спросила: «Что? Рука заболела от письма? Но ведь у тебя правая рука».

Я с досадой сказала: «Ты же умная, неужели не понимаешь, что я имею в виду?»

Вэй Хуань честно покачала головой: «Не понимаю». Я чуть не лопнула от злости и лишь грубо сунула ей руку, приказав: «Поддержи!»

Вэй Хуань покорно сказала «А» и, взяв меня под локоть, сделала шаг, но вдруг спросила: «Ты что, объелась?»

Я покосилась на неё и увидела, как удивление на её лице постепенно сменилось весёлой ухмылкой, которую она пыталась сдерживать. Выражение её лица было неопишваемым. Она сдерживалась какое-то время, но в конце концов уголки губ дрогнули, она прикрыла рот рукой, кашлянула и уже со смешком спросила: «Глупышка, если объелась, почему не сказала? Я смотрела, ты ела с таким удовольствием, думала, очень голодна».

Я и правда ела с удовольствием, но признаваться в этом было никак нельзя. К тому же, она же весь день со мной, разве не знает мою обычную норму? За день она впахнула в меня целых десять блюд, и это она называет «очень голодна»? Я недовольно на неё посмотрела. Она же, сообразив, что я не в духе, тут же положила руку мне на спину, начала гладить и утешать: «Ладно, ладно, виновата. Сегодня же государыня нас отчитала. Если не будем усердствовать, как бы кто не увидел да не доложил Её Величеству — тогда всем нам несдобровать. Тебе разве от этого легче?»

Я фыркнула: «А меня ты так накормила, что за ужином я есть не смогу, матушка разве не спросит? Ты меня глупышкой называешь, а сама-то и есть настоящая дура».

Лицо Вэй Хуань мгновенно побелело. Рука, что поддерживала меня, дрогнула, и она невольно остановилась. Мне стало неловко, что я её так напугала, и я поспешила сказать: «Я пошутила. Я всегда не люблю жирную и тяжёлую пищу, так что за ужином просто скажу, что еда невкусная, и матушка отстанет». У всех родителей, что в прошлом, что сейчас, что здесь, что за морем, есть общая черта — вечная тревога за детей. Глядя на то, как матушка запросто управляет с государственными делами, и не подумаешь, но когда дело касается меня и Ли Жюя, она вникает во все мелочи. Раньше мне было всё равно, но теперь, когда у меня появились секреты, которые нельзя выдавать, это стало настоящей мукой. Особенно после того, как Ли Жуй покинул внутренние покои, и матушка не могла контролировать его как прежде, она сосредоточила всё внимание на мне. Даже сколько я съела за обед и сколько часов проспала ночью — всё должно было быть доложено, что невероятно раздражало.

Мои слова немного успокоили Вэй Хуань, и она проводила меня до самых ступеней главного зала. Я неспешно вошла, сделала почтительный поклон и, подняв голову, увидела отца. Я так испугалась — всего за несколько дней он ужасно похудел, и хотя евнухи старались привести его в порядок, от него всё равно веяло усталой синевой. Увидев меня и Ли Жюя, он немного оживился, подозвал нас к себе, взял за руки и с улыбкой спросил: «Сыцзы, в последнее время ведёшь себя хорошо? Говорят, у тебя большой прогресс в каллиграфии?»

Я не была уверена, знает ли отец, что я помогаю матушке просматривать поздравительные

таблицы, поэтому ответила уклончиво: «Всё благодаря урокам талантливой наложницы Шангуань». Произнеся имя Ванъэр, я невольно огляделась — не появится ли она из какого-нибудь уголка и не кивнёт ли мне? Но её нигде не было.

Матушка, словно угадав мои мысли, равнодушно сказала: «Монах Фамин преподнёс три свитка с переводами сутр. Я велела талантливой наложнице Шангуань переписать их».

Мы с Ванъэр провели вместе весь день, и я знала, что она уже составила для матушки две оды и больше десятка стихотворений, выложившись полностью. А теперь ей ещё и переписывать сутры допоздна — невероятно тяжело. Вспомнив, что утром она мне помогла, я осторожно предложила: «Так поздно переписывать сутры — только свечи жечь. Может, пусть сделает это завтра?»

При упоминании Ванъэр отец промолчал. Зато матушка с интересом взглянула на меня и усмехнулась: «Ты за одну ночь тратишь в десятки раз больше, чем на переписку сутр, а теперь ещё и жалуешься на расход свечей, а?»

Её вопросительное «а?» заставило меня ёкнуть сердцем. Я сделала беззаботное лицо и сказала: «Но ведь утром ты сама велела строго соблюдать бережливость. Если ты, матушка, так поступаешь, то нам, детям, и подавно нужно следовать твоему примеру».

Матушка улыбнулась и, словно невзначай, подняла руку. Она только что окрасила ногти, и десять пальцев алели, ослепительные, словно пионы.

Матушке, казалось, очень нравился этот цвет, её взгляд прилип к её же рукам. Она не поднимала глаз, даже когда заговорил отец.

<http://bllate.org/book/16278/1466126>